

Евгения МЕНЬШИКОВА
(Белгород, Россия)

**Делопроизводственная
документация сиротских судов
как источник исследования
проблемы эволюции женского
мира купеческого сословия
Центрального Черноземья
в пореформенный период
(60–90-е гг. XIX в.)***

При обращении к проблематике социальной истории купечества Центрального Черноземья пореформенного периода (60–90-е гг. XIX в.) с позиций гендерного подхода особую важность приобрело использование материалов сиротских судов: Корочанского сиротского суда (ГАБО. Ф.106), Новооскольского сиротского суда (ГАБО. Ф.107), Старооскольского сиротского суда (ГАБО. Ф.108), Рыльского сиротского суда (ГАКО. Ф.295). Документы этих учреждений, сосредоточенные в Государственных архивах Белгородской, Курской и Воронежской областей, слабо востребованы в качестве источника региональными исследователями истории купечества. Вместе с тем они обладают большим информационным потенциалом.

В делах, заводившихся сиротскими судами с целью установления опеки над имуществом малолетних детей, оставшихся без попечения родителей (или одного из них) после смерти последних, содержатся документы, которые прямо указывают на многие стороны материальной составляющей жизни женщины купеческого сословия. Помимо ежегодных отчётов опекунов о расходовании средств на содержание малолетних купеческих детей, индивидуальное дело составляют копия духовного завещания и опись движимого и недвижимого имущества умершей купчихи (или мужчины-купца). Подробная опись имущества заключала в себе перечень материальных ценностей, которыми владела при жизни женщина, и которые после смерти переходили в

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 09-01-55101 аЦ.

собственность её детей: иконы, наличные деньги, финансовые средства, находящиеся на хранении в банках, ценные бумаги, дома с мебелью и утварью, постройки хозяйственного назначения, драгоценности, предметы носильной одежды, обувь, и т.д.

Среди документов сиротских судов, безусловно, особой ценностью обладают духовные завещания. Такая их роль объясняется тем, что они включают исключительно ценные сегменты – сделанные самими женщинами личностные оценки семейным/супружеским отношениям. В духовных завещаниях содержится ценная информация о семейных разделах в купеческих семьях, наследовании имущества, о материальных и духовных ценностях купеческой фамилии.

Значимость духовных завещаний усиливает и то обстоятельство, что наиболее интимные источники, такие, как письма или дневники, автобиографические сочинения, сохранившиеся до наших дней, в своём большинстве отражают жизнь элитарной части чернозёмного купечества, в основном населявшей губернские города. Подавляющее же число представителей купеческого сословия Курской и Воронежской губерний в 60–90-х гг. XIX в. оставили после себя незначительное количество таких документов. Помимо этого, дошедшие до настоящего времени нарративные источники, которые непосредственно отражают женский опыт (то есть, это-документы, созданные собственноручно женщинами-купчихами), вообще единичны. В силу этого роль духовных завещаний вообще представляется неопределимой.

Говоря о купечестве Центрального Черноземья – типичного аграрного региона Российской империи – в начале 60-х гг. XIX в., следует указать, что по демографическим показателям оно было немногочисленным, но в силу экономического потенциала и социальной активности представляло собой чрезвычайно влиятельную сословную группу в социальной структуре провинциального общества. Изучение источников позволило выявить динамику численности купеческого сословия в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.). Так, по данным официально издаваемой Памятной книжки Курской губернии на 1860 г., общая численность купечества губернии составляла 11658 человек (6148 – мужчин, 5510 – женщин) [30, с.170-171]. Памятная книжка Воронежской губернии на 1863/1864 гг. свидетельствует, что в губернии в 1863 г. к купеческому сословию было причислено 11079 человек (5911 – мужчин, 5168 – женщин) [29, с.87].

Пореформенная модернизация всех сторон жизнедеятельности российского общества внесла свои коррективы и в историю развития

купеческого сословия Черноземья. Следствием известных реформ 1863–1865 гг. и 1898 г. в сфере регулирования предпринимательства в России стало изменение к 90-м гг. XIX в. численности представителей купеческого сословия в сторону общего снижения. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала, что на 2371012 жителей Курской губернии приходилось 4587 купцов (2194 – мужчины, 2393 – женщины) и на 2531253 жителя Воронежской губернии – 3181 представитель купеческого сословия (1495 – мужчин, 1686 – женщин) [31, 32]. К концу XIX в. черноземное купечество составляло от всего населения 0,1% – в Воронежской губернии и 0,2% – в Курской. Таким образом, налицо более чем двукратное сокращение численности представителей купечества за период с 60-х по 90-е гг. XIX в.

В трактовке общероссийского гражданского права (законов о состояниях и специализированного свода торговых законов – Торгового и Кредитного уставов) женщина становилась обладательницей всех прав и преимуществ купеческого состояния, в первую очередь по происхождению, а во вторую – получала их с супружеством. При заключении брака мужчина-купец сообщал своё состояние жене вне зависимости от её прежней сословной принадлежности [33, ст.100]. Женщина, происходившая из более низкого сословия, пользовалась купеческим званием до тех пор, пока её муж сам состоял в купеческой гильдии. Также женщина-купчиха сохраняла права состояния мужа и при расторжении брака разводом, притом независимо от того, по чьей вине был расторгнут брак. И, наконец, в третью очередь женщина могла быть причислена к купечеству при записи в сословие «своим лицом», то есть в случае, если она предъявляла отдельно от супруга «особый» капитал [33, ст.489].

Главным критерием различий вербальных форм, использовавшихся для обозначения статуса купеческой женщины, являлся способ зачисления в торговое сословие. Поэтому официально купчихой могла называться только женщина, получившая гильдейское свидетельство, взятое на своё имя [33, ст.100].

Именование женщин из купеческой среды в официальных документах купеческими жёнами, дочерьми и невестками указывало на то, что они пользовались правами купеческого сословия на основании принадлежности к неразделённому семейству, глава которого выбрал на своё имя купеческое свидетельство, внося туда членов семьи. Ведь по закону члены купеческой семьи «при жизни отца пользовались его

званием до тех пор, пока они с ним не в разделе, и пока отец платит гильдейскую подать» [35, ст.44].

В случае смерти мужчины-купца купеческая вдова и дочери удерживали на всю свою жизнь звание, в котором состоял их муж и отец. Однако они не могли заниматься предпринимательской деятельностью, иными словами, не могли «присвоить себе никаких торговых прав», до тех пор, пока не запишутся в гильдии под своим именем [35, ст.54].

Женщина купеческого звания могла претендовать на упрочение своего социального положения при переходе из купечества в другую сословную категорию – почётное гражданство. Известно, что в Российской империи права почётного гражданства можно было получить, начиная с 1832 г. В соответствии с законами о состоянии лица купеческого сословия обладали преимуществом в получении потомственного почетного гражданства перед представителями других сословий [33, ст.581].

Как видно, приобретение женщиной прав купеческого состояния или почётного гражданства было неразрывно связано с жизненным сценарием мужчины – её отца или супруга. Таким же образом обстояло дело и с потерей данных прав. Женщина могла их лишиться при следующих обстоятельствах. Во-первых, при вступлении в брак с женщиной, находящимся в более низком сословии. Во-вторых, при переходе мужа в другое состояние, в том числе более низкое, вызванное признанием его несостоятельным или при произвольном оставлении им торговой деятельности. В-третьих, при совершении уголовного преступления, за которое было определено наказание, сопряжённое с лишением всех прав состояния [33, ст.240, 241, 565].

Подходя к рассмотрению имущественных прав женщины-купчихи, изначально следует обратить внимание на закреплённый в российском законодательстве принцип раздельного владения имуществом супругами – «каждый из них мог иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность» [34, ст.109]. Данный принцип определял то обстоятельство, что мужчина в купеческой семье не обладал, с юридической точки зрения, доминирующим правом распоряжаться денежными средствами и собственностью жены, управлять её имуществом и использовать его с целью получения выгоды. Исключением были ситуации, когда мужчина-купец становился официальным доверенным лицом своей жены. Соответственно, по закону купеческая жена была экономически самостоятельна и могла распоряжаться своим имуществом, «не испрашивая» разрешения и согласия у мужа. Она имела право приобретать

в собственность недвижимость в городах, в том числе дом в столице (при условии того, что его стоимость будет превышать 7500 рублей), дома в селениях, лавки, магазины и склады, а также земельные участки под строительство домов, надворных строений и других «домашних обзаведений» [33, ст.540, 541]. Ограничением женщины в полном распоряжении личным имуществом являлся запрет на выдачу векселей без согласования с мужем, которое, впрочем, было упразднено во второй половине 90-х гг. XIX в. [34, ст.114].

Подтверждение реализации владельческих прав женщиной купеческого звания Воронежской и Курской губерний в 60–90-х гг. XIX в. отражено в источниках. Они освещают в первую очередь финансовые аспекты благосостояния женщины купеческого звания: указывают на размер капитала и путь его приобретения – наследование или же получение «своим трудом посредством коммерческого оборота». Так, почётная гражданка белгородская купеческая жена Мария Ивановна Слатина по завещанию своего отца – почётного гражданина курского 2 гильдии купца И.В. Гладкова (составленного 2 января 1854 г.) – получила после его смерти в «единственное владение» капитал в сумме 30 тысяч рублей серебром [26, л.12].

Или, например, старооскольская купеческая жена Елена Ивановна Игнатова имела в «полной и неограниченной собственности» 6 тысяч рублей, доставшихся ей в 1895 г. после смерти мужа – купца Ильи Михайловича Игнатова [5, л.6].

В 1898 г. вдова почётного гражданина рыльского купца Т.В. Попова по завещанию своего мужа получила капитал 1100 рублей, «заклучавшийся в трёх свидетельствах 4% ренты, по 100 рублей номинальных с купонами за истекшее время» [12, л.16-18].

Судя по составленному в 1867 г. духовному завещанию курской купеческой вдовы потомственной почётной гражданки Пелагеи Ивановны Антимоновой, лично ей принадлежал самостоятельно приобретённый капитал, состоящий «в долгах на разных лицах, а именно: на курской мещанке М.А. Милениной и умершем её муже И.И. Миленине – 1450 рублей; ... на жителях подгородней слободы братьях Власовых по закладной – 3 тысячи рублей; на потомственном почётном гражданине Н.А. Гнучеве по расписке – 300 рублей; на курском мещанине А.М. Холявкине по векселю – 100 рублей» [19, л.2]. Кроме того, этой женщине принадлежали деньги – 5500 рублей, внесённые ею в Курский общественный банк. Таким образом, всего П.И. Антимонова владела 10350 рублями «с процентами и со всеми интересами» [19, л.2].

А обоянская купчиха Е.С. Сургучева приобрела состояние (по данным за 1870–1875 гг.), получая доход от своих 24 лавок, каждая из которых приносила в год в среднем 1500 рублей [9, л.18 об.]. Благоприобретённым капиталом в сумме 5826 рублей 32 копейки обладала и новооскольская 2 гильдии купеческая жена Анна Семёновна Найденко [2, л.7]. Указанные средства хранились на двух счетах Государственной сберегательной кассы при Новооскольском казначействе (4826 рублей 32 копейки), приносящих прибыль в 5,5% годовых, и были вложены в нотариальное заёмное письмо новооскольского городского старосты Филиппа Степановича Грицаева на один год (3 тысячи рублей).

Наглядной демонстрацией материального благосостояния купеческой женщины в 60–90-е гг. XIX в. являлось личное владение в городе недвижимой собственностью – домами, лавками и магазинами, складами и погребями, земельными участками и прочим. Естественно, что дома, владелицами которых являлись женщины купеческого звания, были разными как по размеру, так и по внешнему виду и внутренней отделке. Их стоимость варьировалась от нескольких сотен до нескольких тысяч рублей. Она находилась в прямой зависимости от качества использованных для строительства материалов, а также от наличия надворных построек – подвалов, амбаров, сараев, ледников, конюшен, кузниц, флигелей, прачечных и других строений хозяйственного назначения. Хранящиеся в архивах материалы позволяют выявить размеры личного недвижимого имущества, сосредоточенного в руках женщин-купчих Курской и Воронежской губерний. Так, например, в 1868 г. в городе Обояни Курской губернии из 137 домовладельцев купеческого звания 18 являлись женщинами [10, л.2-274]. Или другой пример: в 1886 г. в городе Борисоглебске Воронежской губернии из 142 представителей купеческого сословия, владевших домами в городе, 28 являлись женщинами [7, л.4-17].

Изучение такого пласта источников, как описи имущества, показало, что чаще всего представители купеческого сословия Курской и Воронежской губерний в 60–90-х годах XIX в. предпочитали строить или приобретать двухэтажные дома, крытые железом, в которых нижний этаж был каменный, верхний – деревянный. В описях имущества даны и подробные характеристики внутреннего устройства купеческих домов: количество комнат, других полезных помещений – передних, сеней, кухонь, коридоров, кладовых. Нередко на нижних этажах жилищ, принадлежащих женщинам-купчихам, размещались лавки или другие объекты предпринимательской деятельности.

В 1870 г. жена ыльського 1 гильдии купца Евдокия Лукитична Покровская лично владела в городе Рыльске недвижимым имением, доставшимся ей по духовному завещанию отца, суджанского 3 гильдии купца [18, л.18]. Описанное имущество состояло из усадебного места площадью 71 квадратный сажень, находящегося во второй части города Рыльска, на Большой Архангельской улице; нового каменного двухэтажного дома, оштукатуренного, крытого железом, площадью 54 квадратных сажений. Дом имел 7 жилых комнат, кладовую, балкон с железной решеткой, на верхнем этаже – 4 голландские печи, 22 окна, 15 дверей столярной работы [18, л.17 об.]. В нижнем этаже дома, имевшем 12 окон и 5 дверей, располагались 2 лавки, в которых «производилась мучная и разная торговля» 1 жилая комната и 2 кухни, 2 голландские печи и 2 поваренные. Под домом находился каменный подвал с железными дверями. Надворные постройки составляли новый каменный подвал с кирпичным полом, крытый железом, для складирования продававшегося в лавках товара площадью 15 квадратных сажений; каретный сарай, крытый железом; деревянный сарай площадью 44 квадратных сажений; деревянный амбар; новая деревянная крупорушка; деревянная прачечная хата; деревянный флигель с 1 жилой комнатой, кухней и печью.

Другое свидетельство личного владения крупной недвижимой собственностью находим в описи имущества жены старооскольского купца Елены Ивановны Игнатовой, сделанной в 1895 г. [5, л.5]. Судя по описи, имущество этой купеческой женщины оценивалось в 7700 рублей. Оно было представлено усадебным местом размером 120 квадратных сажений, находившимся в городе Старый Оскол по Курской улице; двухэтажным каменным домом, крытым железом, площадью 280 квадратных аршинов; каменной двухэтажной крытой железом лавкой площадью 126 аршинов; деревянным крытым железом амбаром площадью 561 аршин; каменным крытым железом зданием площадью 170 аршинов; дощатым ледником, крытым железом; каменным сараем площадью 176 аршинов; на столбах крытым железом сараем площадью 24 аршина; каменным крытым железом зданием для мыловаренного завода площадью 950 аршинов, размещавшимся на Оскольской Набережной улице; при заводе каменным крытым железом коридором площадью 52 аршина и каменным складом площадью 380 квадратных аршинов.

Одним из видимых показателей финансового благополучия женщины купеческого сословия в исследуемый период являлось владение

землѣй – как участками в черте города (усадебных и дворовых мест), так и вне его пределов (земли сельскохозяйственного характера). Например, в 1868 г. среди 79 владельцев, имевших усадебные имения в центре города Обояни, 5 были женщинами [11, л.31]. А из 126 человек, владевших усадебными местами в других частях города, принадлежавших к «выгодной земле», 13 являлись женщинами купеческого звания [11, л.34-42]. Восемью из них данные участки были приобретены путём самостоятельной купли, к пяти – перешли по духовным завещаниям.

В целом для купечества Центрального Черноземья ввиду аграрной специализации региона было характерно устойчивое стремление к обзаведению земельной собственностью. В пореформенный период представители купеческого сословия стали основными покупателями дворянской земли. Скажем, к 1887 г. на территории Курской губернии на долю купеческого земельного фонда приходилось 7,4% [36, с.183]. Как заметил В.С. Кулабухов, к началу XX в., а именно к 1905 г., на территории Курской губернии 60% купеческих поместий, согласно традиционной градации землепользования, принадлежало к мелкопоместным хозяйствам (до 50 десятин земли), 33% – к средним (от 50 до 500 десятин земли), 7% – к крупным (свыше 500 десятин земли) [36, с.183]. Так, В.А. Шаповалов выяснил, что в 1877 г. в Новооскольском уезде Курской губернии одно купеческое владение в 8940 десятин превышало площадь земель всех 139 мелкопоместных дворян этого уезда, с земельным фондом в 4406 десятин [36, с.70].

Продолжая разговор о женском купеческом землевладении, будет уместным привести конкретные примеры. К мелкой категории землевладения можно отнести земельную собственность 3 гильдии дмитриевской купчихи Авдотьи Лазаревой, которая в июне 1863 г. приобрела у помещика капитана П. Кусанова 33 десятины распашной и не распашной земли с лесом ценой 300 рублей [28, с.176].

Земельное владение почётной гражданки рыльской купеческой жены Н.Е. Филимоновой относилось к средней категории, поскольку оно включало в себя: 22 десятины 19 саженой земли под постройками, 1939 квадратных саженой сенокосных угодий, 63 десятины распашной земли, 71 десятину 164 квадратных саженой леса и 28 десятин «неудобной земли» [16, л.12]. Данная земельная собственность Н.Е. Филимоновой оценивалась в 1882 г. в 38517 рублей.

Примером крупного имения, принадлежавшего женщине-купчихе, может служить имение новооскольской купеческой невестки Елены Ивановны Ивановой в 585 десятин пахотной земли [16, л.12].

Немаловажним признаком достатка в купеческой среде, особенно уездных городов и сельской местности, считалось владение домашним скотом. Городскими властями вёлся учёт домашних животных, принадлежавших всем горожанам, в том числе представителям купеческого сословия. Например, Борисоглебской городской думой фиксировались домовладельцы, имевшие в своём хозяйстве домашний скот, в частности лошадей. Как показал анализ списков домовладельцев, в Борисоглебске в 1877 г. женщины купеческого сословия имели в своём хозяйстве от четырёх, как купеческая жена Л. Петрова, до двадцати лошадей, как купчиха М. Сидельникова [6, л.8-69]. Конечно, были купеческие семьи, которые имели в домашнем хозяйстве небольшое количество скота или вовсе его не имели. Например, рыльская купчиха М.Д. Золотарёва владела 2 лошадьми – вороным жеребцом, 10 лет, и гнедым жеребцом, 6 лет, а также 3 коровами – 2 рыжими и 1 чёрной [17, л.3]. Лошади служили купчихе Золотарёвой для выезда на имевшихся у неё 2 фазтонах «на лежачих рессорах» и 1 тарантасе на дрогах с верхом.

Судя по сделанной в 1898 г. описи имущества почетной гражданки новооскольской купчихи П. Ушаковой, в её хозяйстве имелись всего четыре домашних животных: старая корова рыжей масти, одна двухлетняя тёлка чёрной масти, одна свинья и один кабан [3, л.8].

Относительная имущественная независимость женщины купеческого сословия в семье основывалась ещё и на том, что она изначально владела собственностью, выделенной ей родителями по случаю замужества в качестве приданого. Вообще приданое рассматривалось гражданским законодательством России второй половины XIX в. как часть собственности, обязательно выделяемая родителями вступающей в брак дочери для поддержки тягостей семейной жизни [3, ст.110]. Приданое могло выделяться как до заключения брака, так и после него. Факт получения женщиной приданого фиксировался документально. Считалось, что в виде приданого дочери получали свою долю наследства родителей. Так, о выделе части имения в виде приданого своим дочерям письменно указывал в своём духовном завещании поминавшийся выше курский купец И.В. Гладков: «... родным же: дочери, выданные в замужество Марья Слатина (муж – почётный гражданин Илья Слатин); Варвара (купеческий сын – Малыхин); Елизавета (купеческий сын Дмитрий Елисеев); Надежда (поручик Аркадий Выхотцев); Раиса (капитан ...) при выдаче их в замужество и после того от меня им ... на приданое награждены» [26, л.13].

О выделе средств на приданое племяннице писала в своем завещании в 1867 г. и курская купеческая вдова потомственная почётная гражданка Пелагея Ивановна Антимонова [19, л.2]. Она «употребила» 2 тысячи рублей на выдачу в замужество племянницы Елизаветы Михайловны Милениной.

В случае отсутствия письменного свидетельства выдела приданого дочери при жизни родителей, она имела право требовать свою часть при разделе имущества умерших родителей [34, ст.1003]. Чтобы этого не случилось, родители при жизни обговаривали факт получения наследства в составлявшихся духовных завещаниях. Например, старооскольский 3 гильдии купец Д.М. Чунихин таким образом запрещал дочерям претендовать на участие в разделе его имущества после своей смерти: «Дочерям же моим – Аграфене Дягилевой и Серафиме Клачковой – до выше означенного моего движимого и недвижимого имения и капитала, как завещанного так и оставшегося, засим завещанием никакого дела нет и не касаться под опасностью гнева Божьего и моей родительской клятвы, потому что они от меня при выдаче в замужество не только прилично и соответственно моему состоянию, но даже избыточно награждены ценой всему завещанному мной имению, по совести объявляю кроме капитала 10 тысяч рублей» [23, л.8]. Подобным же образом щигровским 2 гильдии купцом Н. Степаненковым говорилось о своей дочери: «... старшая дочь наша Екатерина, ныне вышедшая в замужество, мною вполне награждена, и никакого участия в разделе не должно и словом сказано» [24, л.4 об.].

Следует заметить, что в купеческой среде Центрально-Чернозёмного региона в 60–90-х годах XIX в. распространённой практикой, как и прежде, был обман с приданым, когда родители невесты, первоначально обещая выделить дочери в качестве приданого какую-то значительную часть имущества, в итоге после свадьбы ничего не давали. Бесспорно, подобные ситуации значительно усложняли положение молодой жены в новой семье мужа.

В отношении приданого мужу могли быть предоставлены лишь некоторые права – право пользования, управления, но не собственности. Поскольку в соответствии с законодательством приданое жены, равно как имущество, приобретённое ею или на её имя во время замужества через куплю, дар, наследство или иным законным способом, признавалось её отдельной собственностью [34, ст.110]. Однако в случае непосредственного получения мужем приданого, оно считалось его даром по случаю брака.

Особого внимания заслуживают наследственные права женщины-купчихи в пореформенный период, поскольку они также дополняют картину, которая характеризует её имущественный статус. В соответствии с законами женщина не являлась наследницей своего мужа [34, ст.1148]. Она имела право только на фиксированную часть имения, которая составляла седьмую часть от недвижимого имущества и четвертую от движимого [34, ст.1148].

Например, старооскольская купеческая жена Анна Петровна Коренева получила в 1888 г. четвертую часть от суммы в 35 тысяч рублей, унаследованных по смерти первого мужа К.А. Маслова после продажи его недвижимого имущества [20, л.1; 21, л.1-51]. При жизни купца К.А. Маслова в собственности имелись 2 усадебных места: в 4 части города Курска, по Покровской улице, и на нём дом с разными надворными постройками; во 2 части города Курска в Железных рядах и сзади их, а на нём находился каменный дом с лавкой [20, л.1 об.]. По духовному завещанию покойного всё это имение доставалось при условии его раздела жене, брату – купцу М.А. Маслову – и свояченице – В.С. Масловой.

Вышеуказанные части имущества, получаемые купеческой женщиной после смерти мужа, оставались неизменными и в том случае, когда отсутствовали другие наследники.

Женщина купеческого звания, не являясь наследницей своего супруга, нередко становилась преемницей всего имения последнего. Это происходило тогда, когда оставались малолетние дети и женщина становилась их опекуной. Она была обязана заботиться о сохранности и приумножении всего имущества до наступления совершеннолетия детей. В этот период купеческая вдова распоряжалась имуществом по своему усмотрению. Контроль над соблюдением воли умершего купца в сфере защиты интересов детей исполнял сиротский суд. Так, из духовного завещания курской 3 гильдии купеческой вдовы Т.В. Сыромятниковой, составленного в 1857 г., узнаём, что она имела «в действительном бесспорном владении недвижимое имение, находящееся в губернском городе Курске», предоставленное ей «в собственность и вольное употребление покойным мужем ... бывшим курским купцом Ф.М. Сыромятниковым по духовному завещанию» [25, л.2]. Данный брак был для купца Ф.М. Сыромятникова вторым. На момент смерти у него остались от первого брака и от второго брака малолетние дети. Интересно, что, завещая своё имущество в полновластную собственность жене, купец Сыромятников ничем не наградил: «... многих потомков

..., как то: родных детей, Петра старшего, Михаила, Андрея, Малафея, Петра младшего, Ивана, Сидора, Алимпиаду Васильевну – жену покойного сына Афанасия, сына их ... Григория, и внуков ... произведённых от первого брака: Михаила, Ивана, Татьяну ...» [25, л.2].

В свою очередь, купеческая вдова, оставляя своё имение детям, как рождённым в первом браке её мужем, так и их общим, давала следующее им наставление: «Дети, внуки при жизни моей должны воспользоваться дарением этим по сему завещанию имения и распоряжаться им по воле своей и по своей надобности; они могут заложить, продать или перекупить в другие руки; а если кто из них не захочет взять назначенную им часть имения, и этим явно ... неблагодарности, то этого явно непочтившего меня, лишаю навсегда дареной части, которую оставляю по-прежнему за собой, в полном моём распоряжении, с правом отчуждения её, кому за благо рассудится» [25, л.2].

Щигровский 2 гильдии купец Никита Семёнович Степаненков, скончавшийся в 1865 г., в духовном завещании передал своей жене Аниусе Васильевне Степаненковой всё своё имущество на том условии, чтобы она после его смерти «... вступила в полное и безотчётное распоряжение» им благоприобретённого имения, «... с полным правом по усмотрению её, если пожелает что-либо из него продать или заложить...» [24, л.4 об.]. Купец Никита Степаненков призывал своих малолетних детей по самую смерть их матери находиться к ней «... в полном послушании и повиновении и оскорблений ей не наносить» [24, л.4 об.]. За точное соблюдение данного наказа, при желании купеческой вдовы, дети могли быть чем-либо награждены.

По духовному завещанию после смерти курского купца почетного гражданина Василия Антонова в 1880 г. все недвижимое имущество переходило в распоряжение его жены – Луизы Ивановны, с последующим разделом между нею и дочерью – Капитолиной (по достижению совершеннолетия) [27, с.5]. Имущество купца Антонова было сосредоточено в городе Валке Харьковской губернии, и оценивалось в 3500 рублей. Оно включало в себя дворовое место с садом, деревянным домом, флигелем, кухней, сараем, амбаром, конюшней, ледником, подвалом; 2 каменных двухэтажных дома с 2 флигелями, 2 амбарами, 2 сараями, погребом, зданием для крупчатой мельницы, пивоваренный завод, сад, огород, пруд и купальню, колодец.

По такой же схеме развивалась ситуация с наследованием недвижимости 2 гильдии льговского купца А.Н. Григорова, смерть которого произошла в августе 1881 года [8, л.1]. Супруга покойного купца Григо-

рова – купчиха Марія Ивановна – стала распорядительницею имущества до наступлення совершеннолетия у шести своих малолетних детей. Недвижимое имущество состояло из размещавшихся в городе Льгове трех домов и бани. Последняя приносила годовой доход в сумме 300 рублей. Все имущество было оценено комиссией Льговской городской думы в 12460 рублей.

Таким образом, участие купеческих вдов в продолжении торгового дела мужа и в распоряжении его имуществом способствовало сохранению капитала, преемственности занятий и социального положения подраставших детей.

Завещания интересны также и для характеристики религиозных ценностей купеческого сословия. Проявление религиозности отчётливо прослеживается сквозь практику щедрых пожертвований «во имя Бога» после смерти церквям и монастырям. Как справедливо заметила Н.В. Козлова, для православного сознания купцов было характерно представление о том, что успех предпринимательской деятельности и принесённое им богатство являлись следствием Божественного покровительства и были получены как награда за «добрые дела» в пользование от Бога [1, с.31].

Следуя характерным для купеческой среды представлениям, новооскольская купчиха Почетная гражданка Прасковья Семеновна Агеева после своей смерти (ввиду отсутствия собственных детей) назначила наследниками двух племянниц и двух детей внучатой племянницы [4, л.13]. Им полагалось получить капитал на общую сумму 1600 рублей, а на выполнение распоряжений по поводу заботы о загробном устройении души было приказано потратить 9935 рублей. И в этом направлении предполагались следующие статьи расходов:

1. На святую Афонскую гору, в Русский Святого Пантелеймона монастырь на ежедневное вечное поминовение на проскомидии и ектении при Божественной литургии за 4 лица.

2. Святого Пантелеймона монастырю на особое вечное поминовение, на неусыпное чтение псалтыря по рабе Божьей Прасковье, на масло и свечи при чтении псалтыря, на временное ежедневное поминовение при проскомидии и ектении во время Божественной литургии с панихидами за упокой рабыни.

3. Киево-Свято-Троицкому монастырю завещано процентными бумагами и наличными деньгами: на сооружение монастырём колокола в 600 пудов; на вечное ежедневное поминовение при Божественной литургии; на 6 ободов для братии монастыря: в день похорон, на де-

вятый, двадцатый, сороковой дни, двухгодичный, трехгодичный; на устройство на могиле склепа и железной решётки вокруг могилы; на сооружение двух киот в церкви Киево-Свято-Троицкого монастыря, к иконам Божьей Матери Троеручницы, Божьей Матери Споручницы грешных.

Ментальные особенности купеческого сословия определяли эмоционально-ценностное отношение к имуществу. Подтверждением чего является проявление к нему бережливости, которую видно из духовных завещаний, наследникам завещались не только капиталы, но и различные предметы быта, в том числе не очень хорошо сохранившиеся. В купеческой среде считалось, что среди материальных предметов, передававшихся по наследству, особой ценностью обладали иконы. Поэтому они первыми упоминались в завещаниях и описях имущества купеческих женщин. Так, курская купеческая вдова потомственная почётная гражданка П.И. Антимонова по завещанию передала в 1867 г. своим племянницам две иконы – икону Рождества Богородицы и икону Иверской Божьей Матери [19, л.2 об.]. А рыльская купчиха Анна Ивановна Немцова в своём духовном завещании в 1886 г. оставляла своим детям четыре иконы: икону Рождества Богородицы в серебряной раме высотой 5 вершков, икону Иверской Божьей Матери в серебряной раме высотой 6 вершков, Образ в 4-х отделениях в серебряной раме высотой 10 вершков, икону Знамени Божьей Матери [15, л.6].

Дмитриевский 2 гильдии купец Латышев после смерти сына завещал своей невестке и внучке два образа Казанской и Тихвинской Богоматери, а также иконы Святителя Угодника Николая и Иоанна Крестителя [22, л.4]. В 1876 г. рыльская купеческая жена почётная гражданка Н.Е. Филимонова передала своим наследникам икону Святителя Николая Чудотворца в киоте с ризой и четыре старые иконы разных святых на досках [16, л.13 об.]. Рыльская купчиха М.Д. Золотарёва в 1889 г. оставила после себя среди прочего имущества восемь икон: икону Образа святого Николая Угодника с серебряной вызолоченною ризой весом 12 золотников в ореховом киоте с резьбой; Нерукотворный Образ Спасителя без ризы в киоте с вызолоченною резьбой; три иконы в одном ореховом с резьбой киоте – Образ Спасителя, Божьей Матери, Николая Угодника в серебряных вызолоченных ризах весом около 70 золотников; икону Образ Успенья Пресвятой Богоматери в серебряной ризе, в киоте с золочёной резьбой, весом 20 золотников; Образ Боголюбской Богоматери в серебряной вышитой ризе, в ореховом киоте с золочёной резьбой, весом 150 золотников; икону Феодоров-

ской Божьей Матери в серебряной вышитой ризе, в ореховом киоте с золочёной резьбой, весом 100 золотников [17, л.2-2об.]. Данные иконы оценивались в 149 рублей.

Как выяснилось, в сумме парафермальную собственность купеческой женщины в семье составляли приданое и имущество, приобретённое во время замужества через куплю, дарение, наследование или иным другим законным способом. Такая имущественная обеспеченность женщины во многом являлась залогом складывания в купеческой среде партнёрских по своему характеру семейных отношений.

Таким образом, анализ документации сиротских судов с целью выявления статусной, хозяйственной и социально-психологической перестройки жизненной практики женщины-купчихи Центрального Черноземья в период социальных революций «сверху» – в 60–90-х годах XIX в. – во многом помог воссоздать картину внешнего облика купеческой женщины пореформенного периода, дополнил представление о структуре её параферальной собственности, отобразил особенности имущественных отношений в системе «женщина – муж – дети».

Источники и литература

1. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. – М., 2002.
2. Государственный архив Белгородской области. – Ф.107. Новооскольский сиротский суд. – Оп.1. – Д.39.
3. Государственный архив Белгородской области. – Ф.107. Новооскольский сиротский суд. – Оп.1. – Д.12.
4. Государственный архив Белгородской области. – Ф.107. Новооскольский сиротский суд. – Оп.1. – Д.10.
5. Государственный архив Белгородской области. – Ф.108. Старооскольский сиротский суд. – Оп.1. – Д.2.
6. Государственный архив Воронежской области. – Ф.122. Борисоглебская городская управа. – Оп.1. – Д.7.
7. Государственный архив Воронежской области. – Ф.135. Борисоглебская городская дума. – Оп.1. – Д.225.
8. Государственный архив Курской области. – Ф.1. Канцелярия Курского губернатора. – Оп.1. – Д. 2513.
9. Государственный архив Курской области. – Ф.228. Обоянская городская дума. – Оп.1. – Д.746.
10. Государственный архив Курской области. – Ф.228. Обоянская городская дума. – Оп.1. – Д.730.

11. Государственный архив Курской области. – Ф.228. Обоянская городская дума. – Оп.1. – Д.731.
12. Государственный архив Курской области. – Ф.295. Рыльский сиротский суд. – Оп.1. – Д.93.
13. Государственный архив Курской области. – Ф.295. Рыльский сиротский суд. – Оп.1. – Д.9.
14. Государственный архив Курской области. – Ф.295. Рыльский сиротский суд. – Оп.1. – Д.15.
15. Государственный архив Курской области. – Ф.295. Рыльский сиротский суд. – Оп.1. – Д.12.
16. Государственный архив Курской области. – Ф.295. Рыльский сиротский суд. – Оп.1. – Д.9.
17. Государственный архив Курской области. – Ф.295. Рыльский сиротский суд. – Оп.1. – Д.15.
18. Государственный архив Курской области. – Ф.299. Рыльская городская дума. – Оп.1. – Д.1066.
19. Государственный архив Курской области. – Ф.32. Курский окружной суд. – Оп.1. – Д.169.
20. Государственный архив Курской области. – Ф.32. Курский окружной суд. – Оп.1. – Д.2089.
21. Государственный архив Курской области. – Ф.32. Курский окружной суд. – Оп.1. – Д.2824.
22. Государственный архив Курской области. – Ф.59. Курская городская дума. – Оп.1. – Д.6899.
23. Государственный архив Курской области. – Ф.59. Курская городская дума. – Оп.2. – Д.6260.
24. Государственный архив Курской области. – Ф.59. Курская городская дума. – Оп.2. – Д.6901.
25. Государственный архив Курской области. – Ф.59. Курская городская дума. – Оп.2. – Д.5214.
26. Государственный архив Курской области. – Ф.724. Личный архив И.В. Гладкова. – Оп.1. – Д.24.
27. Курские губернские ведомости. № 64 (18 августа). 1880 г.
28. Курские губернские ведомости. № 7 (16 февраля). 1863 г.
29. Памятная книжка Воронежской губернии на 1863-1864 гг. – Воронеж, 1864.
30. Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. – Курск, 1860.
31. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XX. Курская губерния. – СПб., 1904.
32. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XIX. Воронежская губерния. Тетрадь I. – СПб., 1901.

33. Свод законов Российской Империи. Т.IX. – СПб., 1857. Законы о состояниях.

34. Свод законов Российской Империи. Т.X. Ч.I. – СПб, 1900. Гражданские законы.

35. Свод законов Российской Империи. Т.XI. Ч.II. Тетрадь 2. – СПб., 1857. Торговый устав.

36. Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии). – Белгород, 2005.

Евгения Меньшикова (Белгород, Россия) **Делопроизводственная документация сиротских судов как источник исследования проблемы эволюции женского мира купеческого сословия Центрального Черноземья в пореформенный период (60–90-е гг. XIX в.)**

Настоящая статья посвящена рассмотрению возможности использования делопроизводственной документации сиротских судов при изучении одного из ключевых вопросов истории российского купечества в пореформенный период – проблеме эволюции женского мира. Анализ материалов сиротских судов, сосредоточенных в государственных архивах Белгородской, Воронежской и Курской областей, позволил воссоздать картину внешнего облика женщины-купчихи Центрально-Черноземного региона 60–90-х гг. XIX в., дополнил представление о структуре её параферальной собственности, отобразил особенности имущественных отношений в системе «женщина – муж – дети».

Ключевые слова: женщина купеческого сословия, сиротский суд, правовой статус, параферральная собственность, наследственные права, ценностные установки

Евгенія Меньшикова (Белгород, Росія) **Діловодна документація сирітських судів як джерело дослідження проблеми еволюції жіночого світу купецького стану Центрального Чорнозем'я в пореформенний період (60–90-е рр. XIX ст.)**

Представлена стаття присвячена розгляду можливості використання діловодної документації сирітських судів в процесі вивчення одного з ключових питань історії російського купецтва в пореформенний період – проблемі еволюції жіночого світу. Аналіз матеріалів сирітських судів, зосереджених в державних архівах Білгородської, Воронізької та Курської областей, дозволив відтворити картину зовнішнього образу жінки-купчині Центрально-Чорноземного регіону 60–90-х рр. XIX ст., доповнив уявлення про структуру її параферальної власності, відобразив особливості майнових стосунків в системі «жінка – чоловік – діти».

Евгения МЕНЬШИКОВА. Делопроизводственная документация ...

Ключові слова: жінка купецького стану, сиротський суд, правовий статус, парафернальна власність, спадкові права, ціннісні орієнтири

Evgenia Menshikova (Belgorod, Russia) Record management documentation of orphans' courts as a source of study of the problem of evolution of the merchants-estate woman's universe in the Central Black Soil Region in the post-reform period (in the 1860-1890-s)

The author analyses application of record management documentation of the orphans' courts in regard to one of the key problems of the Russian merchants' history – problem of evolution of the merchants-estate woman's universe. Examination of orphans' courts' materials collected in the state archives of the of Belgorod, Voronezh and Kursk regions helped to recreate the appearance of merchants' wives in the Central Black Soil Region in the post-reform period, to supplement the knowledge about their property structure, to reveal peculiarities of property relations in the system “woman – husband – children”.

Key words: woman of merchants' estate, orphans' court, legal status, personal property, inheritance law, system of values